

Симбиотические отношения матери и сына и сексуальные преступления

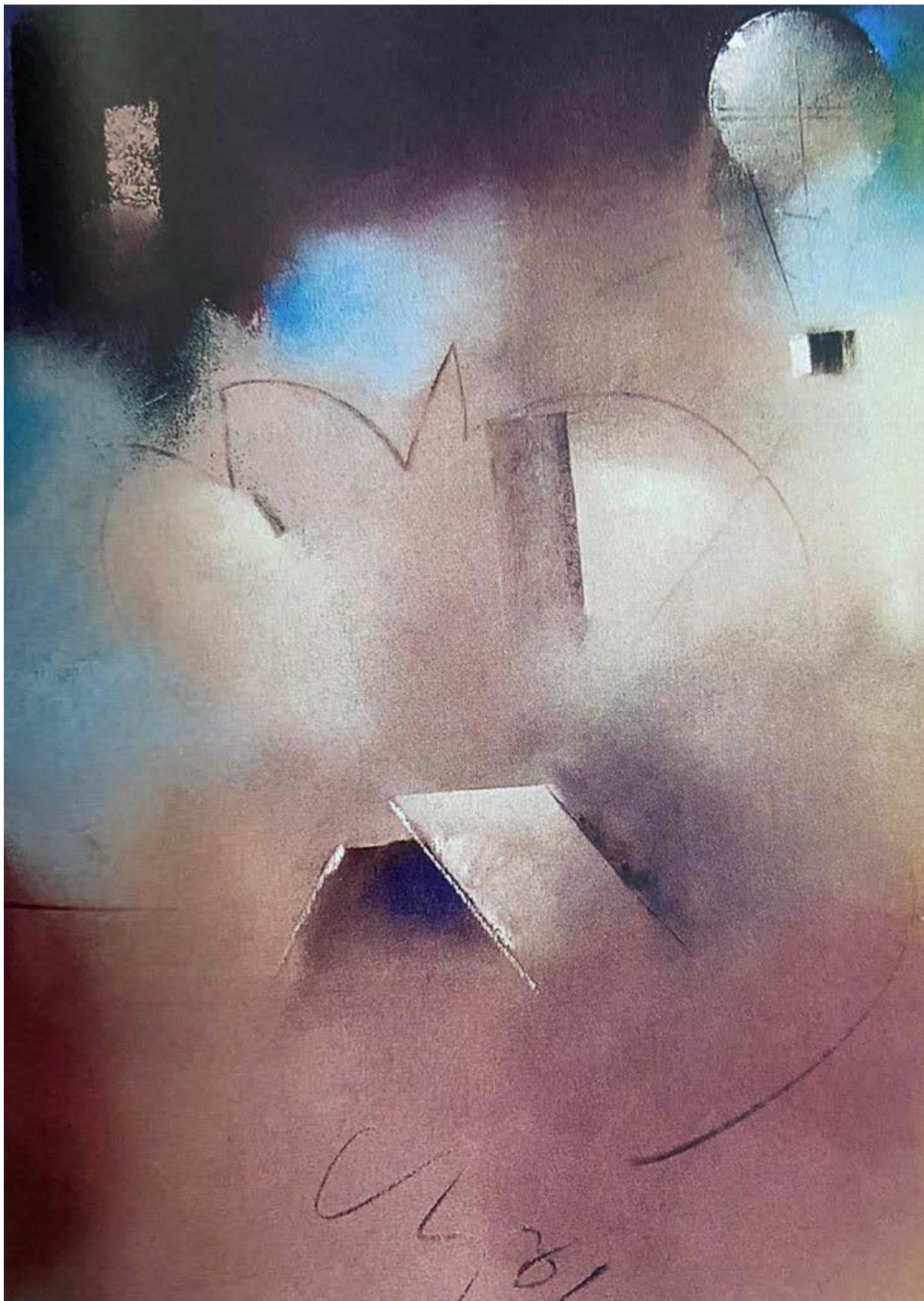
Карола М. Ленэке

- судебный эксперт-патопсихолог, руководитель психотерапевтической группы судебно-психиатрической клиники Олденкотте

Фрейд считал, что в будущем будут найдены биохимические основы сексуальности. Тем не менее, он недвусмысленно полагал, что либидо имеет органическую основу и не вызывается никакими другими силами.

Согласно психоаналитическим концепциям сексуальности и влечения (в их кратком изложении), на относительно поздних этапах развития внутрисемейных отношений желательно предотвратить формирование симбиотических отношений между матерью и сыном. Однако многими специалистами это понимается не вполне корректно.

Сексуальность играет центральную роль в психоаналитической метапсихологии. З. Фрейд считал, что в будущем будут найдены биохимические основы сексуальности. Тем не менее, он недвусмысленно полагал, что либидо имеет органическую основу и не вызывается никакими другими силами. Более того, согласно его представлениям, существует всего два исходных влечения: сексуальное влечение и влечение к самосохранению. Это – так называемая фазовая

теория онтогенеза либидо (на оральной, анальной, фаллической и генитальной стадиях) [8]. На поверхности этих телесных зон под приматом генитальности формируется зрелая форма сексуальности. Более поздние психоаналитики [7; 17] уделяли больше внимания «общей теории влечений». Таким образом, теория сексуальности стала больше рассматриваться в контексте объектных отношений, что важно и для понимания симбиотических отношений матери и ребёнка. Влечение стало пониматься как внешнее травматическое внедрение сексуальности, т.е. искушение со стороны взрослых. Это искушение не синонимично инцесту или сексуальному насилию в более узком смысле, но неизбежно присуще человечеству в тесной связи с развитием речи и объектной привязанности. Сексуальное влечение в этом представлении не может быть редуцировано до поиска физиологического механизма разрядки на уровне различных эрогенных зон.

СИМБИОЗ И НОРМАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

После рождения ребёнок оказывается в психическом слиянии, симбиозе со своей матерью. Мать кормит младенца и осуществляет все остальные формы ухода, то есть ребёнок является пассивным и полностью зависимым существом. Это нормальная ситуация. Физически мать не зависит от ребёнка, но ребёнок полностью зависит от матери. Она глубоко влюблена в своего милого малыша и безоговорочно наслаждается заботой, поёт, целует, укладывает в колыбель, ласкает и моет ребёнка. Её голос, улыбка и удовольствие, получаемое во время ухода, имеет фундаментальное значение для переживания ребёнком опыта своего тела и других психических реакций во время этого усиленного взаимодействия. Если мать хорошо адаптируется к потребностям ребёнка, они оба могут наслаждаться интенсивностью симбиотического существования. Но удовольствие от переживаний новорожденного во время ласк и любовной заботы никоим образом не может сравниваться с сексуальной нагрузкой и сексуальным удовольствием взрослых. Однако заботливый уход и телесные сенсации, его сопровождающие, оказывают существенное влияние на форму проявления, которую примет сексуальность в дальнейшем. Например, прообразом удовольствия может быть чувство насыщения во время кормления грудью. Речь не идёт о сознательной форме соблазна, а о бессознательном прообразе «влечения», присущем любящему, заботливому характеру отношений между матерью, отцом и ребёнком. В нарциссическом внутреннем мире ребёнка ещё нет различия между переживанием себя самого и матери. Материнская «грудь» принадлежит целиком и полностью ему. Он переживает её не иначе, как часть себя. И только в результате дальнейшего роста и развития обнаружится различие «я» и «не я». Мать – это и отдельный человек, и он сам одновременно. Ребёнок

Если мать хорошо адаптируется к потребностям ребёнка, они оба могут наслаждаться интенсивностью симбиотического существования. Но удовольствие от переживаний новорожденного во время ласк и любовной заботы никоим образом не может сравниваться с сексуальной нагрузкой и сексуальным удовольствием взрослых.

Функция отца состоит в том, чтобы умело развенчать фантазии маленького мальчика о слиянии с матерью и о полном распоряжении отцом.

эмоциональным мотивами, всегда будут связаны с его партнёром, а также с его потребностями в автономии и индивидуальности. Для дальнейшего созревания ему потребуются любовь и защита со стороны отца и матери. В нашем обществе мать, обычно, является первым человеком, с которым ребёнок устанавливает интенсивный контакт. Если в своём внутреннем мире мать способна разделить с отцом свой «нарциссический объект», действуя в интересах ребёнка, она, таким образом, будет способствовать развитию самосознания у ребёнка, т. к. личность ребёнка признаётся, ей восхищаются, она не чувствует угрозы. Мать и отец предоставляют безопасную, дружественную среду, в которой признаются нужды маленького человечка. В такой среде у него развивается «здоровый нарциссизм», благодаря которому ребёнок чувствует себя свободным и ценным. Оба родителя должны направлять психосексуальное развитие. Мать действительно является первым женским объектом в жизни ребёнка, который стимулирует его эротически, но это лишь переходная фаза.

Эдипов треугольник отношений должен вырисовываться с правильными сторонами. При этом функция отца состоит в том, чтобы умело развенчать фантазии маленького мальчика о слиянии с матерью и о полном распоряжении отцом. Он будет стимулировать сына следовать своему примеру посредством интереса к идентификации с мужской реальностью. На символическом уровне отец вручает сыну фаллос. Другими же словами, отец (посредством идентификации) вводит мальчика в мужскую реальность, мир, отличающийся от мира матери.

Таким образом, интимный симбиоз с матерью разрешается сам собой. Следовательно, мальчик защищён (от симбиотической феминной диады) и психосексуальное развитие будет продолжаться. При совместном воспитании ребёнка обоими родителями мальчик через здоровую триангуляцию сможет найти своё место и безопасно усвоить (связать) роли обоих родителей. Идентифицируя себя с отцом в качестве положительного мужского образа для подражания, он присваивает себе черты своего отца, т.е. исходное эдипальное соревнование становится чередой подражаний. При помощи этих моделей здорового воспитания, которые устанавливают безопасную привязанность ребёнка, он может отказаться от своих (нарциссических)

обнаружит, что «грудь» существует не всегда и появляется не сразу по его хотению. Процесс созревания и психического развития принесёт ему много новых открытий, приятных и менее приятных. Эта напряжённость и поиск баланса между исполнением его желаний и ограничивающими социальными табу, нормами и ценностями, противостоящими

При совместном воспитании ребёнка обоими родителями мальчик через здоровую триангуляцию сможет найти своё место и безопасно усвоить (связать) роли обоих родителей.

грандиозных фантазий и начать воспринимать своих родителей как реальные объекты. Он сформирует внутриспсихические образы обоих родителей. Мать в его глазах всё ещё будет весьма могущественной, но по мере взросления будут интегрироваться и другие её качества. Так она станет человеком «из плоти и крови», которые больше не нужно идеализировать и бояться. Аналогично обстоит дело и с отцом. Со временем будут интегрированы в собственную идентичность автономия и самостоятельность. То есть он, так сказать, сможет быть и отцом, и матерью самому себе, не пренебрегая и своей личностью, т.е. сможет заботиться о матери и отце.

Использование переходного объекта является универсальным творческим явлением и исчезает, когда ребёнок обладает достаточными рефлексивными (символизирующими) способностями.

СЕПАРАЦИЯ И ИНДИВИДУАЦИЯ В БЕЗОПАСНОМ ОКРУЖЕНИИ

При нормальном развитии попытки сепарации [от первичного объекта] протекают не без тревоги. Но, если родители включены в процесс воспитания положительным, доверительным и защитным образом, тогда формируется безопасная привязанность и первые самостоятельные шаги не вызывают чувства вины. Процесс сепарации вызывает у малыша интерес и забаву, мы можем видеть это в игре «в прятки», в которой дошкольники практикуют это разделение. Определённая степень дискомфорта разлуки всегда наличествует, но эти переживания не обязательно отрицательные. Малер [19] считает, что некоторая напряжённость необходима и способствует дальнейшему формированию личности (индивидуации). Если константность объекта неоптимальна, ребёнок может утешаться углом одеяла или плюшевым медвежонком (переходный объект). Ребенок, таким образом, создаёт для себя промежуточную область между его внутренним миром и внешней реальностью. Это - творческое решение, остаться на время без конкретной матери, существующей отдельно, освободиться от неё, сохраняя при этом внутриспсихический баланс. Мы часто видим это, когда дети утомлены, встревожены или чувствуют себя одиноко. Переходный объект податливый, успокаивающий, он выбирается самим ребёнком, обычно на первом году жизни, и действует как мостик в реальность. Он дарует мир и становится заменой отсутствующей матери. Используя переходный объект, малыш показывает, что он может и будет усваивать утешительный образ матери. Это признак того, что он находится на пути к автономии, поскольку это – один из внешних объектов, которые доступны его контролю. Согласно Гринейкер

Нарушения развития возникают тогда, когда родители по тем или иным причинам не справляются со своими обязанностями по структурированию психики ребёнка.

[12-14] использование переходного объекта является универсальным творческим явлением и исчезает, когда ребёнок обладает достаточными рефлексивными (символизирующими) способностями. Обычно этот момент приходится на начало латентного периода, к семи годам.

ЗАТОЧЕНИЕ В СИМБИОТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ С МАТЕРЬЮ И ПАТОЛОГИЧЕСКОЕ НАРЦИССИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Нарушения развития возникают тогда, когда родители по тем или иным причинам не справляются со своими обязанностями по структурированию психики ребёнка. Критическим фактором возникновения патологической организации личности может быть отказ от исполнения детско-родительских ролей. В отсутствии (положительного) партнёра мужского пола мать может сосредоточиться на своём сыне не только потому, что любит сына, но потому, что начинает особенно в нём нуждаться. Он компенсирует пустоту её жизни. Ребёнок становится заменой отсутствующего или ненадёжного супруга. В этом случае мать нарциссически нуждается в таком ребёнке, но не наоборот! Ребёнок смотрит в пустоту, но не узнаёт себя, и сталкивается с невыполнимой задачей отзеркаливания собственной матери. Её пустота должна быть заполнена, а её тоска требует интерпретации. Когда это происходит, ребёнок нарциссически запол-

Сообщение о том, что отца нет, имеет своё бессознательное значение, и ребёнок убеждается, что может стать «замещающим партнёром». Посредством этого эротизированного отождествления с родителем формируется ложная картина способностей ребёнка; он приходит к мысли, что способен сделать свою маму счастливой.

няется матерью, но не матерью, выступающей нарциссическим объектом для ребёнка. Ему не удаётся сепарироваться от матери и продолжить процесс индивидуации. В этом случае исчезают границы, а, следовательно, развитие Собственного Я нарушается. Большая часть его желаний и потребностей на самом деле будет принадлежать матери. Ребёнок ещё не научился предъявлять собственные эмоциональные желания. С каждым разом ему всё труднее взрослеть и различать собственную привязанность и привязанность матери (другого). Он всегда лишь приковывал внимание матери (другого). У него развилось «ложное Я» в понятиях Винникотта [29], и он действует как всемогущий, запатентованный ребёнок, у которого всегда должны быть крепкие плечи (в основном, чтобы угодить своей матери). Но за этой маской стоит его собственное отщеплённое и расколотое Я, истощённое и переполненное неистовой яростью.

Хальберштадт [15] называет эту симбиотическую ловушку «симбиотической иллюзией», т.к. ведётся бессознательная игра, призванная поддерживать иллюзию в контакте с безусловной любовью. Это иллюзия, в которой мальчик – это всё для матери, а она должна быть всем для него. Важным следствием этой иллюзии является то, что мать

В отсутствии (положительного) партнёра мужского пола мать может сосредоточиться на своём сыне не только потому, что любит сына, но потому, что начинает особенно в нём нуждаться.

не помогает ребёнку вернуть фан-тазии величия обратно к своим истинным масштабам. Это заманчиво, если не эротично, потому что сообщение о том, что отца нет, имеет своё бессознательное значение, и ребёнок убеждается, что может стать «замещающим партнёром». Посредством этого эротизированного отождествления с родителем формируется ложная картина способностей ребёнка; он приходит к мысли, что способен сделать свою маму счастливой. Это *folie à deux*¹, идиллия, из сознания которой должны быть изгнаны вся агрессия и чувство ненависти. Отделённый гнев переносится в особое чувство благодарности и порочный круг замыкается. В этой игре отец будет представлен как тягостный третий лишний, что будет показано в клиническом примере.

Взаимная симбиотическая зависимость является тяжёлым отрицанием различий между поколениями и приводит ребёнка к извращённым отношениям с матерью, окрашенным интенсивной виной. Такой опыт дезориентирует, сбивает с толку, поскольку отношения между полами и поколениями теряют свою стабильность и структуру. Если нет другого значимого мужчины, с которым возможен какой-либо союз ребёнка, он так и останется пустым пространством, а мать так и останется центральным персонажем в жизни сына. Если отец не играет никакой роли в воображении матери, ему нет символического пространства в жизни ребёнка.

ФАНТАЗИЯ И СЕКСУАЛИЗАЦИЯ

Дети и подростки в значительной степени зависят от поддержки своим непосредственным социальным окружением их чувства безопасности, смысла, силы и комфорта. Даже наше биологическое созревание сильно зависит от характера привязанности. Травматические события можно пережить в условиях зрелых защитных механизмов контроля за внешними и внутренними угрозами. Из наших эмпирических исследований стало ясно, что испытуемые в детстве были травмированы и происходят из семей, в которых преобладает внутренний хаос (симбиотические отношения между ма-

Взаимная симбиотическая зависимость является тяжёлым отрицанием различий между поколениями и приводит ребёнка к извращённым отношениям с матерью, окрашенным интенсивной виной.

терью и сыном) наряду с нападками пренебрежения и унижения. Ван дер Колк [27] считает, что ребёнок в условиях такой стимуляции пренебрежения и унижения становится хронически уязвимым для повышенной нейрофизиологической активации (становится гиперактивным), что может привести к неспособности регулировать интенсивные переживания. Это означает неспособность совладания с собственными эмоциями, тревогами,

стрессами из-за дефицита функции торможения. У таких детей регуляция интенсивных переживаний осуществляется путём биосинтеза эндогенных опиоидов. Данные вещества снижают норадренергическую активность, уменьшая гиперактивность на поведенческом уровне, но этот процесс не всегда успешно работает в условиях длительного стресса. Таким образом, травмированные дети будут нуждаться во всё более сильных внешних стимулах для того, чтобы прийти в себя и успокоиться. Они постоянно пребывают во власти своих эмоций, будучи не в состоянии справиться со стрессом, а их уровень толерантности значительно уменьшается, выводя их из равновесия.

Альтернативный способ нейтрализации гиперактивности – через различные формы зависимого поведения, включая навязчивый поиск рискованных событий, напоминающих первоначальную травму. Навязчивое повторение травмы – это бессознательный процесс, который временно приносит с собой чувство облегчения, ощущение контроля и даже удовольствия, но в конечном итоге сохраняет хроническое чувство беспомощности и внутренней плохости.

Ван дер Колк и его коллеги [28] считают, что такие дети развивают разные формы восстановления самоконтроля и регуляции настроения. Часто эти способы являются причудливыми и саморазрушительными. Считается также, что частота, с которой эти дети повторяют свои агрессивные взаимодействия, связана с интенсивностью навязчивого повторения и идентификацией с агрессором. Последний защитный механизм служит для замены страха и беспомощности чувством всемогущего контроля. Дети с большей охотой обвиняют самих себя в жестоком обращении (плохой автономный/инцестуозный ребёнок), чем взрослых. Такие дети изначально охотно цепляются за иллюзию «хороших родителей». Как ни странно, если ребёнок возлагает на себя ответственность за издевательства и/или насилие, эта иллюзия тоже даёт ему чувство контроля. Но, в конце концов, направлять на себя ненависть и гнев, предназначенный родителям, и брать на себя ответственность – разрушительно. Поэтому эти чувства направляются на внутреннее плохое автономное Событийное Я.

Фантазия тоже может обеспечить столь необходимое спокойствие и утешить обиженного и избитого ребёнка. И одновременно она уносит из суровой действительности. В фантазии создаётся мир, в котором они оборачивают свою унижительную детскую травму и представляют, как унижают других людей, чтобы больше не стать объектом насилия и унижения. Таким образом, ребёнок обретает чувство власти и превосходства. В фантазиях сексуальных преступников ненависть стирается и изображается сексуально. В этом воображении доминирующую роль играет принцип удовольствия

Ребёнок в условиях такой стимуляции пренебрежения и унижения становится хронически уязвимым для повышенной нейрофизиологической активации (становится гиперактивным), что может привести к неспособности регулировать интенсивные переживания.

Травмированные дети будут нуждаться во всё более сильных внешних стимулах для того, чтобы прийти в себя и успокоиться.

в результате фантазийного исполнения желания, а фантазия становится основным источником агрессивного и сексуального возбуждения. Непередаваемый словами опыт! Но в фантазии агрессия и возбуждение всегда под контролем, а человек сильный. Поэтому фантазия играет решающую мотивирующую роль в совершении преступления. В первую очередь она является способом совладания с ситуацией, бегством от повседневной неприязни в семейной жизни. Но позже эта же фантазия станет навязчивой идеей, а фантазийные образы обретут форму зависимости, при помощи которой регулируется настроение. Эротическая фантазия, словно одеяло, предоставляет комфорт и тепло опустошённому и униженному Эго. Но сколь бы ни были утешительными эти образы в фантазии, глубокая жажда любви требует тишины покоя. Благодаря неизбежному преобразованию этих образов в реальное поведение (ненасытная потребность в аффектации) похотливые образы начинают работать как психоактивное вещество, вызывающее привыкание и модифицирующее психическое состояние. В нашем клиническом исследовании (Lehnecke, 2004) один испытуемый совершил 22 изнасилования. Он пояснил, что всегда был доволен и спокоен, в каждом случае своего преступления. Секс как лекарство, назначаемое по собственному велению, повышает негативную самооценку. Эротическая фантазия – неотъемлемый элемент сексуального преступления, движущая сила и прелюдия одновременно. Таким образом, преступление складывается не только из когнитивных шаблонов мышления, но и навязчивых фантазий, а также аффективного голода по чувству силы, стремления власти, обладания и неуязвимости. Само преступление также приводит к психологическому и соматическому покою.

Другое «оружие» в борьбе с нарциссической пустотой – это сексуализация. То есть, сексуализация – это усилитель Я, вызывающий переживание приятного, т.к. помимо прочего сексуализация наполняет слабую структуру. А также может использоваться в качестве защиты от болезненных переживаний. Сексуальное возбуждение оживляет, оно возвращает силы, убеждает опустошенный и обеднённый субъект в истинности его существования и подтверждает реальность чувственного восприятия. Возбуждение, как и все виды интенсивных эмоций, имеет множество значений и может непрерывно перетекать от нормального регистра к патологическому. Принадлежность сексуализации к патологическому спектру определяется её степенью, формой и способом реализации.

Обычно понятием «сексуализация» обозначается ненадлежащее использование сексуального контакта или в неуместном для этого контексте. Другими словами, сексуализация – это использование сексуального импульса в несексуальной

В фантазии создаётся мир, в котором они оборачивают свою унижительную детскую травму и представляют, как унижают других людей, чтобы больше не стать объектом насилия и унижения.

В фантазии создаётся мир, в котором они оборачивают свою унижительную детскую травму и представляют, как унижают других людей, чтобы больше не стать объектом насилия и унижения.

Эротическая фантазия словно одеяло, предоставляет комфорт и тепло опустошённому и униженному Эго. Эротическая фантазия – неотъемлемый элемент сексуального преступления, движущая сила и прелюдия одновременно.

ситуации (процесс, обратный сублимации). Но аналогичная ситуация может иметь место и без использования секса. Например, когда физическое напряжение снимается посредством мастурбации или полового акта. Это часто происходило в случаях обследованных нами мужчин. Они говорили о напряжении или волнении, которые подлежали немедленному устранению. В их случаях мастурбация и сексуализация возникали в препубертатном периоде. Последующее мгновенное расслабление действует подобно волнующей и похотливой эротической фантазии, регулирующей аффективное состояние. Если сексуализация используется чрезмерно и навязчиво, она работает в качестве защитного механизма. Следовательно, её источником является не влечение либидо, а сексуальное поведение, исходящее из Эго, а значит, она выполняет функцию усиления Эго. Фантазия играет здесь обязательную, неотъемлемую, первостепенную эйфоризирующую роль.

ПРИВЯЗАННОСТЬ

Привязанность – это эмоциональная связь между людьми. Надёжная или положительная привязанность ребёнка и взрослого – это аффективная связь, в которой один человек воспринимает другого как защитную и безопасную фигуру (объект). Сформированная надёжная привязанность продолжает существовать даже в случае отсутствия человека. Её также характеризует способность одного человека утешить или поддержать другого в периоды стресса или опасности. Так обстоит дело в нормальных условиях. Опыт безопасности и защищённости в непосредственной близости имеет важное значение для успешного физического и психического развития. Дж. Боулби [3; 4] был убеждён, что дети имеют врождённое инстинктивное стремление развивать привязанность к ухаживающим за ними фигурам. Он также считал, что базовые модели привязанности формируют основу для установления более поздних социальных отношений. Младенцы могут в очень раннем возрасте воспринимать настроение и чувства своих родителей. В первые три года правое полушарие ребёнка, связанное с аффективными процессами, является доминирующим.

Выражения лица, тембр голоса, жесты родителей могут чувствоваться и интерпретироваться безошибочно. Это часть естественного онтогенеза, поскольку способность к вербальной коммуникации появится гораздо позже. Зрительное, слуховое и тактильное восприятие являются основными силами формирования

Сексуализация – это усилитель Я, вызывающий переживание приятного, т.к. помимо прочего сексуализация наполняет слабую структуру.

привязанности. Бейтс и его коллеги [2] утверждают, что, если мать (или другой осуществляющий уход человек) доступна, активируются нейроны передней орбитальной коры, формируя способность ребёнка вступать в широкий спектр аффективных отношений. Обычно дети формируют свою первую привязанность к родителям между пятым и девятым месяцами. За исключением случаев воспитания в стрессовой и небезопасной среде, большинство детей могут вступать в аффективную коммуникацию. В эмпирическом исследовании Ван дер Боома [26] показано, что даже в группах с высоким потенциальным риском нарушений невербальной коммуникации адекватная чувствительность матери к ребёнку позволяет сформировать безопасную привязанность. Всё то же самое характерно и для ухода, осуществляемого отцом: безопасные, вовлечённые и эмоционально близкие родители обеспечат своему ребёнку внутренний баланс, необходимый для правильного развития. В такой динамичной реципрокной системе ребёнок формирует взаимосвязанные репрезентаты родителей, преобразуя и закрепляя их в психическую «рабочую модель», которая опосредует его эмоциональный опыт, когнитивный стиль, способность к рефлексии, связность мышления и работу памяти. Коллинс и Рид [5] считают, что внутренние «рабочие модели» или «репрезентаты» остаются относительно стабильными на протяжении всей жизни. Они полагают, что люди с надёжной привязанностью, выросшие в тёплой, структурированной и безопасной среде приобретут достаточные навыки для возможности создавать доверительные отношения, смогут адекватно регулировать свое напряжение и эмоции и будут достаточно уверенными в своей компетентности. Такой положительный опыт способствует формированию автономного Собственного Я [6; 9; 18]. Уверенность, полученная благодаря здоровым отношениям между родителями и детьми, дает ребенку контроль (автономию) над собой. Это приводит к формированию метакогнитивных навыков и означает, что он знает свои способности в этом мире, которому принадлежит, и наделяет смыслом своё поведение, свои идеи и желания, но также может понимать других, взаимодействуя с ними, и может делиться идеями и желаниями. Такой обмен и преобразуется в поведение. Дети с небезопасной привязанностью всегда чувствуют себя неуверенно, имеют неустойчивую самооценку и постоянно сомневаются в истинности своих чувств и мыслей. Такие дети могут даже чувствовать себя «плохо», если не могут найти систему привязанности, которая стабилизирует их чувства, или, как утверждает Уббелс [25]: «Когда у детей нет системы привязанности, внутри не может существовать их собственная субъективность. Боязливые, дети с амбивалентной привязанностью боятся доверительных отношений и страдают от страха слияния. Дети с избегающим типом боятся испытываемой внутренней пустоты, боятся голода одиночества. Дети с дезорганизованным типом привязанности ужасно боятся, что они не будут существовать, если не смогут занять место объекта привязанности и потеряют контроль над ним или ней».

Сексуализация – это использование сексуального импульса в несексуальной ситуации (процесс, обратный сублимации).

РАЗВИТИЕ «ПЛОХОГО АВТОНОМНОГО СОБСТВЕННОГО Я»

Выраженные симбиотические отношения между матерью и ребёнком и поразительная некомпетентность отца как положительного объекта для идентификации мальчика и как брачного партнера матери могут, с точки зрения объектных отношений, приводить к патологическим изменениям и патологическим идентификациям. Задержка или серьезное нарушение сепарации-индивидуации у этих детей приводит к отщеплению очень агрессивно заряженной «плохой» части Собственного Я. Прилагательное «плохой» используется здесь в смысле «условно плохой» [7], то есть как угрожающий «хорошему объекту» – в данном случае (интернализованной) матери – и, следовательно, также «центральному Эго», которое идентифицирует себя с этим «хорошим объектом». Поэтому данное прилагательное берётся в кавычки. Но мы также должны допустить, что у ребёнка есть естественное побуждение к самостоятельности, и ему необходимо освободиться от симбиоза с матерью [19]. Когда мать препятствует этой потребности, например, потому что ей очень нужна связь с ребёнком, чтобы восполнить пробел в физически или эмоционально отсутствующем отце, ищущая автономии часть ребёнка ощущается как «предающая мать», поэтому воспринимается как «плохая часть».

«Плохость» «плохого автономного ребенка» ещё больше усиливается агрессивным напряжением, возникающим у ребенка в результате нарушения его автономии. При нормальных обстоятельствах всегда есть отец, к которому ребёнок может обратиться, если

Если сексуализация используется чрезмерно и навязчиво, она работает в качестве защитного механизма.

амбивалентные чувства к матери станут слишком интенсивными для ребёнка. Примером этого является малыш, который против своей воли должен рано ложиться спать и говорит матери: «Папа большой, не так ли? И ему не нужно рано ложиться спать!». Из этого можно сделать вывод, что на данном этапе отец уже поддается проективной идентификации автономного Я ребёнка. Другими словами,

агрессивный заряд «плохого автономного ребенка» аннулируется или «обезвреживается», потому что отец в фантазии ребёнка в отношении матери ведёт себя автономно, но при этом также и любит её, и это признается матерью. Мы предполагаем, что такое поведение нехарактерно для отцов тех лиц, которые совершили сексуальные преступления: они не были ни автономными, ни любящими в отношениях с матерью ребёнка. Следовательно, ребёнок остаётся с агрессивно заряженной частью (плохим автономным Я), которая в воображении ребенка чрезвычайно угрожает «хорошему объекту», в данном случае матери. Чтобы защитить «хороший объект» от «нападков» «плохого автономного Я», враждебно-зависимые отношения с матерью интроецируются ребёнком таким образом, что такое взаимодействие впоследствии происходит между частями детского Эго, каждая из которых идентифицирует себя с «плохим автономным ребенком» и «грустной-из-за-сепарации-с-ребёнком матерью» соответственно. Кернберг [16] описывает такой диадный интроект родитель-ребенок как «неметаболизированные

интернализированные объектные отношения». В этом двухполюсном интроекте атаки «плохого автономного Я» на «грустную мать» продолжаются, но теперь ребенок чувствует «всем своим нутром», чем обеспокоена мать. Этот процесс можно сравнить с постоянным внутриспсихическим самообвинением, которое ребенок предъявляет самому себе, потому что теперь раз и навсегда установлено отождествление с матерью.

СЕПАРАЦИЯ И ИНДИВИДУАЦИЯ В НЕБЕЗОПАСНОЙ СРЕДЕ: ПРЕЛЮДИЯ К ПЕРВЕРСИИ

Когда ребенок растет в небезопасном, сбивающем с толку (запутывающем), чрезмерно возбуждающем или навязчивом семейном окружении, таком как гиперопекающая, интрузивная симбиотическая связь с матерью, процесс сепарации может быть не только затрудненным, но, в некоторых случаях, невозможным. Ослабление или отделение от нарциссического катексиса² симбиотической родительской фигуры – это процесс, который порождает много амбивалентности и борьбы противоположностей. Каждая попытка автономии рассматривается и воспринимается как предательство. Это – небезопасная, запутанная ситуация для малыша, из которой он не может выбраться без посторонней помощи. Она порождает чувство вины и страха. В отсутствии (сильного) отца, который освобождает ребёнка от связи с матерью, ребёнок может, среди прочего, искать убежища в переходном объекте. Винникотт описывает, как маленький ребёнок сам выбирает себе предмет или ритуал, такой как большой палец, плюшевый медвежонок или одеяло, но таким объектом может быть и мелодия, которая имеет большую эмоциональную ценность для ребёнка и от которой он также неотделим. Прилагательное «переходный» используется Винникоттом для обозначения того, что объект не полностью принадлежит внутреннему миру ребёнка, но также и не миру «объективной реальности». Для ребёнка это – первый объект во внешнем мире, на который он может проецировать все желания и потребности, и для него он приобретает реальный смысл обладания. Вступление во владение переходным объектом – это чрезвычайно творческий автономный акт. Ребёнок по своему выбору берёт что-то, чтобы любить, использовать, обладать, не причиняя вреда матери или кому-либо еще. Но там, где переходный объект для ребенка с безопасной привязанностью является мостом во внешний мир, который необходимо исследовать, для ребёнка с небезопасной привязанностью он становится объектом безопасности (спасительным кругом), за который он отчаянно цепляется, чтобы уйти из (угрожающего) внутреннего во внешний мир. И это уже совершенно иное значение. Это не мост к реальности, а бегство от нее. Переходный объект становится фетишем, чтобы избежать опасности и отогнать страх.

Фетиш используется навязчиво и периодически как опора в пугающих ситуациях, из которых хочется убежать. В первые годы нелегко провести различие между переходным

Даже в группах с высоким потенциальным риском нарушений невербальной коммуникации адекватная чувствительность матери к ребёнку позволяет сформировать безопасную привязанность.

Выраженные симбиотические отношения между матерью и ребёнком и поразительная некомпетентность отца как положительного объекта для идентификации мальчика и как брачного партнера матери могут, с точки зрения объектных отношений, приводить к патологическим изменениям и патологическим идентификациям.

объектом и фетишем. Фетиш наделяется магическими силами неприкосновенности и власти. Он чрезвычайно переоценён и может впоследствии принимать преувеличенные, эксцентричные формы, например, тигровые зубы, булавки (пирсинг), обувь или другие твёрдые объекты. Госселин и Вилсон [11] описывают пациента, которого они наблюдали на разных этапах жизни в течение длительного периода. В молодом возрасте мальчик зациклился на блестящих булавках. В возрасте 8 лет вид булавок сексуально возбуждал его. В уединении в ванной он выполнял все виды аутистических, ритуальных действий с булавками. В 23 года его жена наблюдала за целой серией аналогичных действий. Здесь можно сказать, что переходный объект и фетиш имеют одинаковое фазово-специфическое происхождение, но каждый из них следует своим собственным путём. То, что когда-то служило успокаивающим, утешающим и питающим объектом, с помощью сложных психических процессов (в которых Эго расщепляется, отрицается и отрицается реальность) превращается в атрибут, посредством которого выполняются магические ритуалы. Цель этих ритуалов состоит в том, чтобы отогнать страх утраты физической целостности (также называемой кастрационной тревогой). Фантазия и магическое мышление необходимы, чтобы отказаться от чувства бессилия и страха кастрации, а также искать им замену. Используя фетиш, жуткое бессилие (например, импотенция) волшебным образом отвергается и изменяется посредством обращения в противоположность (реактивное образование). Когда этот процесс осуществляется, перверсия сформирована.

ПЕРВЕРСИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ

В психоаналитическом понимании термином перверсия обозначается направление сексуального влечения на необычный объект (отклонение от цели влечения) или когда сексуальное возбуждение достигается за счёт унижения или эксплуатации сексуального партнера. Когда сексуальное возбуждение и оргазм реализуются только путем преднамеренного унижения, причинения вреда, морального или физического насилия над партнёром, речь идёт о перверсии. Р. Столлер [23] в этом контексте утверждает, что перверсия – это эротизированная форма ненависти и враждебности. Перверсия касается не только явных поведенческих актов, но и фантазий. Часто эти фантазии предвосхищают

Уверенность, полученная благодаря здоровым отношениям между родителями и детьми, дает ребенку контроль (автономию) над собой.

жестокое стереотипное поведение. Как правило, фантазии необходимы, чтобы вызвать сексуальное возбуждение. Они незаменимы и являются важным компонентом, когда служат для прогнозирования близости и взаимности партнерских отношений. Перверсия включает в себя устойчивые фантазии, которые ограничивают поведенческий репертуар, что приводит к навязчивому повторению перверсных действий по одному и тому же сценарию. При перверсии человек не стремится к подлинному (генитальному) сексуальному опыту между двумя взрослыми людьми, но к замаскированному аутоэротизму, за которым, помимо прочего, могут быть скрыты глубокая пустота, депрессия, стремление избавиться от страха или гнева, а также другие мотивы. Основными характеристиками перверсии являются жесткий и стереотипный характер сексуального сценария (сценарий ритуалов), навязчивое (несвободное) повторение сексуального сценария и унижение или эксплуатация сексуального партнера. Другими словами, ритуализация и навязчивость, доминирование или власть играют решающую роль в перверсии. Насильник, эксгибиционист и мазохист используют власть, чтобы контролировать ситуацию. Для всех перверсий характерна компульсивная, жесткая, ритуальная природа, с помощью которой достигается сексуальное возбуждение и удовлетворение. В литературе [30] этот вариант влечения описывается как незрелый, нереалистичный, эскапистский, изоляционистский, компульсивный. Компульсивный из-за навязчивого побуждения, которое управляет сексуальным поведением; незрелый по-

Дети с дезорганизованным типом привязанности ужасно боятся, что они не будут существовать, если не смогут занять место объекта привязанности и потеряют контроль над ним или ней».

тому, что искажённые и жестокие формы детской сексуальности проявляются в извращенном поведении (сосание, кусание); нереалистичный потому, что индивид не ищет сексуальной связи с реальным партнером, решающее значение для достижения оргазма имеет фантазия; эскапистский потому, что в большинстве случаев эти люди боятся связи (привязанности) с другим полом, боятся душевной близости; изоляционистский потому, что речь не идет о доверительных партнёрских отношениях, а о плохом контакте с противоположным полом.

В определении перверсии Розен [22] и Габбард [10] ставят акцент на унижении партнера. В поведении лиц с парафилией их партнёрам причиняется реальный ущерб, боль или унижение, потому что разрушительная ненависть или враждебность не всегда доступны контролю. В любом случае, люди с вышеупомянутыми сексуальными расстройствами не имеют надёжной привязанности, что означает затруднения в установлении и поддержании близких, любящих сексуальных партнерских отношений или полную их невозможность. Во многих случаях осуществляется поиск не живого партнёра, а лишь сиюминутного объекта (иногда даже безжизненного). Следовательно, важным определяющим фактором в определении перверсии является способность (или

Агрессивный заряд «плохого автономного ребенка» аннулируется или «обезвреживается», потому что отец в фантазии ребёнка в отношении матери ведёт себя автономно, но при этом также и любит её, и это признается матерью.

неспособность) к установлению человеческой эмоциональной близости на всех уровнях. Балинт [1] также придерживается этого мнения. Он считает, что перверсия – это не просто беспорядочное поведение или «просто ещё одно сексуальное предпочтение». Перверсия гораздо более узнаваема по степени агрессии и враждебности по отношению к партнёру. В специальной литературе имеется множество тому примеров. Ранк [21] и Трахтенберг [24] изображают Казанову и Дон Жуана – героев известных романов

как олицетворение регрессивного, компульсивного и враждебного унижения объектов их влечения. Оба героя ненавидят или презирают своих жертв. Они ловко маскируют свою враждебность, не испытывая удовольствия в любви, но оживая в искушении. Максимальное удовольствие им доставляет само торжество соблазнения. Похоть переживается ими только тогда, когда они видят, как женщины морально падают и поддаются страсти, которую они порождают. Их возбуждение и удовлетворение стимулируются не близостью, любовью или сексуальностью. Завоевание – вот в чём «кайф». Ими движет желание победить непрестанную одержимость. Их не возбуждают ни женщины, ни половой акт или чувственные переживания, но интенсивное чувство превосходства и триумфа. Эти ощущения жестоки и должны постоянно переживаться вновь и вновь, как наркоманы стремятся к постоянной стимуляции очередной дозой кокаина.

Клинический пример

В оригинальном исследовании (Lehneske, 2004) представлено описание семи клинических случаев, которые иллюстрируют психодинамические аспекты, описанные выше. Здесь будет представлен всего один пример, который прояснит ту роль, которую фантазия и сексуализация играют в качестве защитных механизмов в бегстве от реальности.

МАРТИН

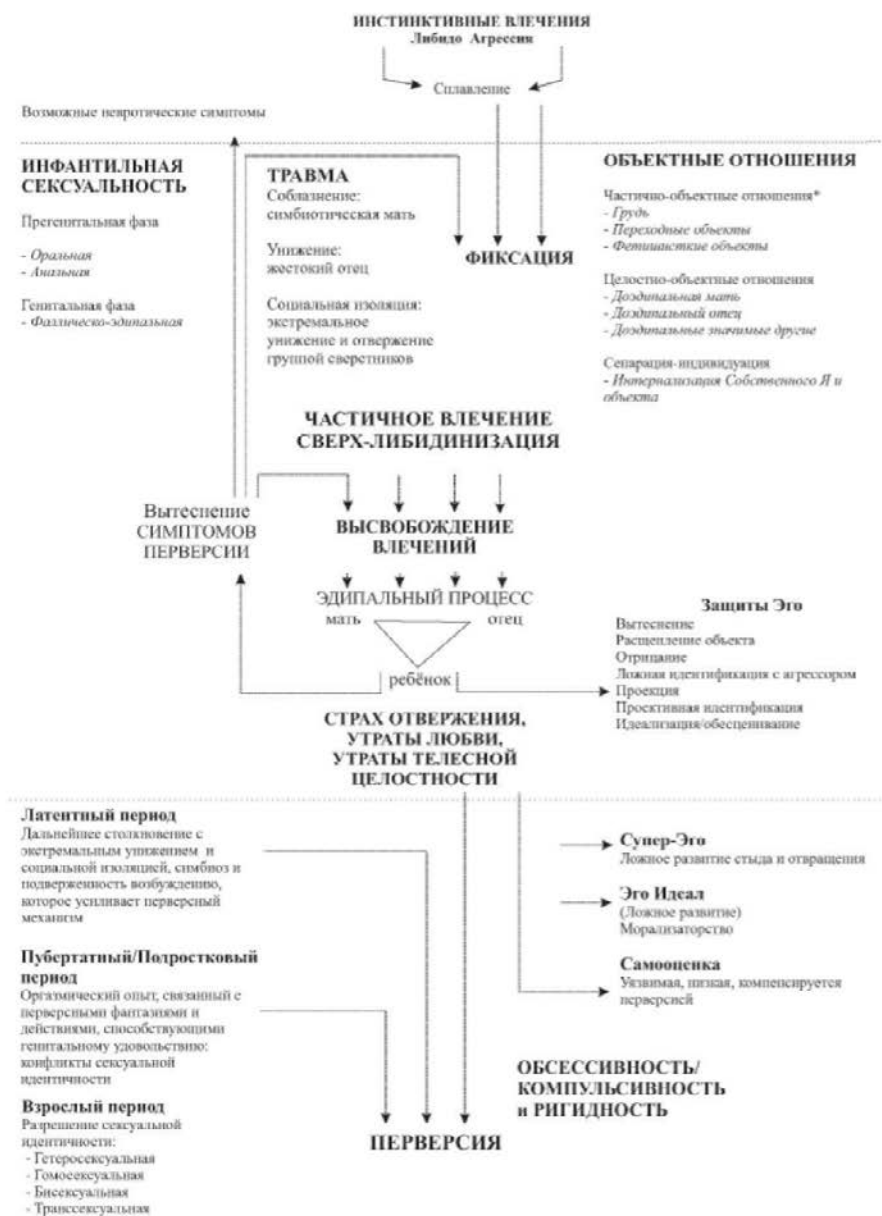
Мартин – 35-летний педофил. У него уже три привода в полицию. Он вырос в полной семье, состоящей из матери, отца, двух сыновей и трёх дочерей. Особенность семейной ситуации состояла лишь в том, что Мартин и его мать вычеркнули отца из своей жизни фигурально и буквально. Мартин продолжал жить в доме родителей, но разговаривал только с матерью. Он считал мать «боссом». Мартин чувствовал, что у него с матерью «превосходная связь» и мать «сделает для него что угодно». Ситуацию, в которой муж в её жизни играл второстепенную роль, мать считала нормальной. Отец испытывал презрение к Мартину и предпринимал серьёзные попытки поставить сына на место. В семье в этом случае разгорался жестокий конфликт. Как только нависла такая опасность, Мартин предпочитал ретироваться. Он не научился решать проблемы (неадекватная копинг-стратегия). Общение со сверстниками вызывало у него

трудности. Мартину было сложно находиться в школе и гулять во дворе. Он чувствовал себя спокойно только с очень маленькими детьми. Кроме того, Мартина обижали в школе по причине его полноты. Его унижали словесно и иногда физически. В результате Мартин становился всё более социально изолированным и при содействии матери прогуливал школу «по болезни», отчего стал отставать в учёбе. При обследовании у него не обнаруживалось и следа сформированных в школьные годы увлечений или эмоциональной привязанности; за него всё проговаривала и делала мать. Мартин почти не имел контактов с внешним миром. Он целиком и полностью полагался на мать и зависел от неё, что устраивало обоих. Мать и сын даже имеют одинаковые психосоматические заболевания. Подхлестываемый замечаниями матери, Мартин всё больше укреплялся в презрении к отцу. Частично из-за отношений с матерью, частично из-за причудливых, напряжённых отношений с отцом, сын остался заключённым в симбиотическую диаду с матерью. В результате он не мог развиваться психически. Сверстники (которые его отвергали) также не могли служить ему ролевой моделью. Он остался несформировавшимся мужчиной с нарушенной регуляцией агрессии. У Мартина очень низкая толерантность к фрустрации, но он научился снижать чувство беспомощности и незащитности путём сексуализации. Он сосредоточил своё внимание на маленьких детях, в чьём присутствии, как ему казалось, он контролировал ситуацию. Мартин хотел бы иметь сексуальные отношения с женщинами своего возраста, но на это не хватало психологической устойчивости (структур личности) и копинг-стратегий (поведенческих альтернатив). Он чувствовал себя сильным и властным только с маленькими незащитными детьми. Посредством этих ощущений Мартин обращал вспять своё бессилие и ничтожество. Прочитав заключение судебно-психиатрической экспертизы: «В момент совершения деликта он чувствует себя освобождённым из бесконечного удушающего семейного окружения, которое препятствовало его взрослению и превращению в самостоятельного взрослого мужчину. Преступления можно рассматривать, как попытки выбраться из удушающих уз матери и родительской семьи».

Мать всегда занимала его сторону, и они вместе окончательно изгнали отца. Если плакала мать, плакал и он. Иногда Мартин садится на диван рядом с матерью, обнимает её и шепчет: «Я так люблю быть с тобой рядом». Этот молодой несостоявшийся мужчина просто не способен контактировать со взрослыми женщинами. Он смотрит порнографию, чтобы заменить свою реальность. Когда он смотрит на маленьких девочек, они становятся для него сексуальными объектами. Путём этих иллюзорных фальсификаций (искажения реальности) человек верит в то, что не является реальным. Фантазия также является движущей силой во время совершения преступления. Таким образом, преступление является воплощением фантазии, в которой он может почувствовать физическое удовольствие и удовлетворить себя. В таком диссоциативном состоянии

Кернберг описывает
такой диадный интроект
родитель-ребенок
как «неметаболизированные
интернализированные объектные
отношения».

разрывается связь с реальностью, и Мартин может совершать преступления без чувства вины. Работа слабого эго не достигает своей цели (недостаточные интроспективные возможности, слабая самоидентификация, копинги и функции самозащиты). Такой образ жизни лишь подпитывает психическое расстройство Мартина.

* В оригинальном тексте *partielle objectrelaties*. Русский эквивалент – частично-объектные отношения – хотя и выверен по «Словарю кляйнианского психоанализа» Р. Хиншелвуда (см. сс. 397, 505) не вполне удачен. Отношение не может быть частичным или полным, т.к. это качественная характеристика. Речь, скорее, о степени зрелости внутреннего объекта. По всей видимости, именно по этим причинам приверженцы теории объектных отношений предпочитают обозначать данную зрелость в понятиях шизопараноидной или депрессивной позиций..

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перверсия и/или сексуальные преступления – это результат не сиюминутного озарения. Люди не рождаются с ними, но в процессе личностного развития возникают различные ситуации, которые могут сыграть решающую роль в развитии перверсии, которая в некоторых случаях приводит к совершению сексуальных преступлений. Такое патологическое развитие имеет множество причин. Выше схематически изображена психодинамическая концепция взаимодействия этиологических факторов. Какие из них являются решающими, определить непросто. Целью нашей работы не было создание их иерархии. Мы работали с материалами судебно-психиатрических экспертиз, поэтому исследование ограничено решениями Министерства юстиции на работу в локальных группах и локальных материалах. Выше мы попытались дать некоторое представление о сложных проблемах, нашедших своё отражение в эмпирических исследованиях и психоаналитических теориях. Акцент был сделан на первый жизненный опыт ребёнка и внутрисемейные модели объектных отношений. Результаты актуальных исследований детской привязанности подтверждают, что опыт раннего периода оказывает длительное влияние на развитие личности. Дети, которые растут в условиях симбиоза с матерью, жестокого обращения и небезопасности уязвимы и имеют высокий риск развития слабой или дефицитарной структуры личности. В итоге они не могут адекватно противостоять, помимо прочих, инстинктивным и/или сексуальным импульсам.

Важным фактором в определении перверсии является способность (или неспособность) к установлению человеческой эмоциональной близости на всех уровнях

Дети, которые растут в условиях симбиоза с матерью, жестокого обращения и небезопасности уязвимы и имеют высокий риск развития слабой или дефицитарной структуры личности. В итоге они не могут адекватно противостоять, помимо прочих, инстинктивным и/или сексуальным импульсам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Balint M. Perversions and genitality. In primary love and psychoanalytic technique. – London: Tavistock, 1965.
2. Bates E., O’Connell B., Shore C. Language and communication in infancy // Handbook of infant development / J.D. Osofsky (Ed.). – New York: Wiley, 1987.
3. Bolwby J. Attachment and loss: Attachment. – London: Pimlico, 1997.
4. Bolwby J. Attachment and loss: Separation, anger and anxiety. – London: Pimlico, 1998.
5. Collins N.L., Read S.J. Representations of attachment: The structure and function of working models // K. Bartholomew & D. Perlman (Eds.), Advances in personal relationships Vol. 5: Attachment process in adulthood. – London: Jessica Kingsley, 1994.
6. Emde R., Buchsbaum H. Didn’t you hear my mommy? Autonomy with connectedness in moral selfemergence // The self in transition. D. Cicchetti & M. Beeghly (Eds.). – Chicago: University of Chicago Press, 1990.
7. Fairbairn W.R.D. An object-relations theory of the personality. – New York: Basic Books, 1954.
8. Freud S. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie // Gesammelte Werke, Band 5. Frankfurt a. Main: S. Fischer Verlag, 1981.
9. Fonagy P., Steele M., Steele H., Higgitt A., Target M. Attachment, the reflective self, and borderline states: The predictive specificity of the Adult Attachment Interview and pathological emotional development // Attachment theory: Social, developmental and clinical perspectives / S. Goldberg, R. Muir & J. Kerr (Eds.). – New York: Analytic Press, 1995.
10. Gabbard G.O. Psychodynamic psychiatry in clinical practice: The DSM- IV Edition. – Washington D.C.: The American Psychiatric Press, 1994.
11. Gosselin C., Wilson G. Fetishism, sadomasochism and related behaviours // The psychology of sexual diversity / K. Howells (Ed.). – London: Basil Blackwell, 1984.
12. Greenacre P. Perversions: General considerations regarding their genetic and dynamic background // Psychoanalytic Study of the Child. – 1968. V. 47. – P. 199-225.
13. Greenacre P. The transitional object and the fetish: With special reference to the role of illusion // Int J Psychoanal. – 1970. V. 51. – P. 335-447.
14. Greenacre P. Emotional growth: Psychoanalytic studies of the gifted and a great variety of other individuals. Vol. I. – New York: International University Press, 1971.
15. Halberstadt-Freud H.C. Mannen en moeders: De levenslange worsteling van zonen met hun moeder. – Amsterdam: Van Gennep, 2002.
16. Kernberg O.F. Structural derivatives of object relations // Int J Psychoanal. – 1966. V. 47. – P. 236-253.
17. Laplanche J. The drive and its object-source: Its fate in the transference // Jean Laplanche: Seduction, translation, drive / J. Fletcher & M. Stanton (Eds.). – London: Psychoanalytic Forum/Institute of Contemporary Arts, 1992.
18. Liebermann A.F., Pawl J.H. Disorders of attachment and secure base behaviour in the second year of life: Conceptual issues and clinical intervention // Attachment in preschool year. M.T. Greenberg, D. Cicchetti & E.M. Cummings (Eds.). – Chicago: University of Chicago Press, 1990.

19. Mahler M. The psychological birth of the human infant. – New York: Basic Books, 1975.
20. Nicolai N.J. Hechting en psychopathologie: De reflectieve functie // Tijdschrift voor Psychiatrie. – 2001. N. 43. – P. 705-714.
21. Rank O. De Don Juan figuur. – Amsterdam: Uitgeverij Boom, 1988.
22. Rosen I. Sexual deviation. Third Edition. – Oxford University Press, 1996.
23. Stoller R.J. Perversions: The erotic form of hatred. – New York: Pantheon, 1975.
24. Trachtenberg P. Het Casanova-complex, de dwangmatige verleider. – Amsterdam: De Arbeiderspers, 1988.
25. Ubbels J. Complexe relatie tussen psychoanalyse en hechtingstheorie // Tijdschrift voor Psychoanalyse. – 2003. N. 2. – P. 84-98.
26. Van den Boom D.C. Do first-year intervention effects endure? Follow-up during toddlerhood of a sample of Dutch irritable infants // Child Development. – 1995. V. 66. – P. 1798-1816.
27. Van der Kolk B.A. The Compulsion to repeat the trauma, re-enactment, revictimization, and masochism // Psychiatric Clinic of North America. – 1989. V. 12. – P. 389-411.
28. Van der Kolk B.A., Michaels M., Stera D., Berkowitz R., Fislis R., Saxe G. Fluoxetine in post-traumatic stress disorder // J Clin Psychiatry. – 1994. V. 55. – P. 517-522.
29. Winnicott D.W. Transitional objects and transitional phenomena: A study of the first not-me possession // Int J Psychoanal. – 1953. V. 34. – P. 89-97.
30. Zwanikken G.J., Fischer A.A., Zitman F.G. Psychiatrie. – Utrecht: Wetenschappelijke Uitgeverij Bunge, 1990.

Перевод с нидерландского К.А. Лемешко